

Следы взаимодействия населения степи и леса в эпоху бронзы (Зауралье)

ЕПИМАХОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), Россия

e-mail: eav74@rambler.ru

Проблема форм и последствий взаимодействия населения разных климатических зон и разных систем жизнеобеспечения всегда стояла остро для памятников бронзового века. Улавливаемые сходства материальной культуры трактовались, как правило, в рамках культурогенетических схем, при этом в условиях слабо аргументированной абсолютной хронологии одни и те же факты могли получать прямо противоположные объяснения. Сравнительно широкое внедрение радиоуглеродного датирования наряду с новыми полевыми открытиями сильно повлияло на историографический ландшафт. В этой связи обращение к теме пограничных территорий представляется закономерным.

В качестве таковой в нашем случае выступает бассейн реки Уй (приток Тобола) в Южном Зауралье. На участке широтного простираения эта территория может быть определена как южная кромка лесостепи со значительными участками хвойных и смешанных лесов (Санарский бор). Последние исследования подтверждают, что в интересующий нас период (конец III – начало II тыс. до н.э. (в системе калиброванной радиоуглеродной шкалы)) был временем климатического оптимума, обеспечившего расцвет скотоводства в степной зоне [Stobbe et al. 2016 и др.]. С точки зрения культурных дефиниций, бассейн Уя – северная граница ареала синташтинских и петровских укрепленных поселений. Неукрепленные объекты с синташтинской и петровской керамикой обнаружены, впрочем, в нескольких десятках километров к северу от рассматриваемого участка [Нелин, 2004; Григорьев, 2016].

Памятники бассейна реки Уй изучаются достаточно давно и получили освещение в литературе [Виноградов, 2003; Виноградов и др., 2017; Куприянова, Зданович, 2015; Куприянова, 2016 и др.]. Долгое время они не складывались в сколь-нибудь четкую картину, но сегодня можно констатировать, что именно эта территория является зоной наибольшей концентрации петровских материалов. Здесь исследован ряд крупных могильников (Степное VII, Кривое Озеро, Троицк-7), число которых, скорее всего, было более значительным [Матвеева, 1962; Стефанов, 1975]. Логика подсказывает, что именно «периферия» ойкумены должна лучше иллюстрировать следы контактов, которые нас интересуют. К сожалению, синхронный сравнительный материал не слишком обширен, хотя постепенно накапливается. Проблема еще и в том, что хронологически определенные данные составляют явно меньшинство [Черных и др., 2016]. Несмотря на эти оговорки, следы степных традиций в лесной зоне есть и уже стали предметом рассмотрения в рамках отдельной работы [Корочкова, Спиридонов, 2016].

Главным вопросом такого рода исследования всегда является выбор критериев, способных очертить группу инородных или синкретических материалов. Для лесной зоны он решался, главным образом, исходя из облика керамической посуды и металлических изделий, при этом именно степные культуры «контактны-

ми и ориентированными на различные формы и направления связей» [Корочкова, Спиридонов, 2016, с. 73]. Вывод, видимо, был предопределен асимметрией числа свидетельств в сравниваемых зонах. Однако, бассейн Уя расширил круг «лесных» материалов в степной культурной среде. В основном это касается металлических изделий, конкретно двулезвийных ножей и кинжалов, среди которых наряду с сериями типичных евразийских форм, присутствуют и явно отличные. Наиболее ярким примером можно считать литой кинжал сейминско-турбинского облика, правда, автор раскопок считает его свидетельством импорта идей, а не вещей. [Куприянова, 2017, с. 98–99]. Подчеркнем, что остальной инвентарь этого комплекса может служить прекрасной иллюстрацией алакульских традиций. Впрочем, в составе металлических изделий есть еще один нож, явно имеющий сейминско-турбинские параллели [Там же, рис. 6, 4]. К числу манифестаций лесного мира относится также коптяковский сосуд из могильника Троицк-7 (рис.). И вновь мы должны отметить его включение в очень узнаваемый степной культурный контекст – на этот раз петровский [Епимахов, 2016, с. 22, 24–25]. С нашей точки зрения, важно, что обнаруженные параллели вплетены в ритуальную деятельность, как в случае с Шайтанским Озером II. Из этой же сферы происходят свидетельства связи и в синташтинских памятниках – например, костяные панцирные пластины (Каменный Амбар-5), аналогичные могильнику Ростовка.

Весьма заманчиво представить эти и другие факты в рамках картины длительного взаимодействия населения двух зон, но препятствием оказывается абсолютная хронология. Большие серии дат есть только для синташтинских древностей, дискуссионны интервалы петровских и ранней части алакульских материалов [Григорьев, 2016 и др.], только в последние годы определенность обретает коптяковская хронология. На этом фоне реализация программы серийного датирования [Краузе и др., в печати] особенно актуально. Наиболее примечательным оказался факт высокой степени сходства результатов для четырех петровских могильников, которые фактически совпали с первыми опытами AMS-датирования этой группы [Hanks et al., 2007] в пределах 19-18 вв. до н.э. Очевидно, что эти же рубежи очерчены по результатам датирования комплекса Шайтанское Озеро II и значительной части синташтинского интервала. Таким образом, этот период мы можем определить как время первоначальных (?) контактов, результатом которых не стало формирование синкретических памятников. В следующий период бронзового века, произойдет качественное изменение форм этого взаимодействия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ)

Список источников и литературы:

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. 362 с.

Григорьев С.А. Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 44–53.

Епимахов А.В. Постпохоронные акции и их археологические воплощения (на примере памятников бронзового века Южного Урала) // Вестник ЮУрГУ. 2016. Т. 16. № 3. С. 21–28.

Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. Степные знаки в металле святилища Шайтанское Озеро II // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53.). С. 68–76.

Краузе Р., Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Новиков И.К., Столярчик Э. Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии // Археоло-

- гия, этнография и антропология Евразии. В печати.
- Куприянова Е. В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1. Челябинск: Энциклопедия, 2016. 119 с.
- Куприянова Е.В. Новые материалы раскопок могильника Степное VII (2016 г.) в системе петровско-алакульских древностей Южного Зауралья // Археологические памятники Оренбуржья. 2017. Вып. 13. С. 90–103.
- Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.
- Матвеева Г.И. Раскопки курганов у г.Троицк // Вопросы археологии Урала. Вып. 2. Свердловск: УрГУ, 1962. – С. 33–37.
- Нелин Д.В. Шибаетов I: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. Вып. 2. 2004. С. 150–180.
- Стефанов В. И. Разведки в Челябинской и Оренбургской обл. // Вопросы археологии Урала. Вып. 13. Екатеринбург: УрГУ, 1975. С. 143–149.
- Черных Е.Н., Корочкова О.Н., Орловская Л.Б. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 2 (45). С. 45–55.
- Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // *Antiquity*. Vol. 81. Num. 312. 2007. P. 353–367.
- Stobbe A., Gumnior M., Rühl L., Schneider H. Bronze Age human-landscape interactions in the southern Transural steppe, Russia – Evidence from high-resolution palaeobotanical studies // *The Holocene*. 2016. No 26 (10). Pp. 1692–1710.